

И 101
КНЯЗЬ ВОЛОДИМИРЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ
МОНОМАХЪ

И

ПОТОМКИ ЕГО, МОНОМАХОВИЧИ,

ИЛИ

О ВРЕМЕНАХЪ КНЯЖЕСКИХЪ СМУТЪ И УСОВИЩЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. Бестужева-Рюмина.

99.31-25933

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1865.

Довволено цензурою. С.-Петербургъ, іюня 2 дня, 1865 года.

2004127571

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ,
близъ Круглаго рынка, № 5.

КНЯЗЬ ВОЛОДИМІРЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ МОНОМАХЪ И ПОТОМКИ ЕГО, МОНОМАХОВИЧИ.

Князь Володиміръ Всеволодовичъ, прозванный *Мономахомъ* (греческое слово, которое значитъ—единоборецъ), по имени дѣда своего по матери, греческаго царя Константина Мономаха, былъ правнукъ св. Володиміра, крестившаго Русскую Землю.

Тяжело было то время, когда жилъ Мономахъ: по тогдашнему обычаю дѣлить государство, какъ обыкновенно дѣлать наследство, между всѣми сыновьями князя, а въ Русской Землѣ было много князей, чуть не на каждый городъ приходилось по князю. Князья эти должны были слушаться старшаго, который жилъ въ Кіевѣ; да не всегда исполняется то, что слѣдуетъ исполнять; такъ и старинные князья наши не слушались старшаго, да и старшій не всегда охранялъ, а часто обижалъ младшаго. Особенно часто ссорились между собою изъ-за того, кому быть старшимъ или кому владѣть такимъ городомъ, который побольше и попочетнѣе. Въ одномъ старинномъ сочиненіи, которое называется: *Слово о полку Игоревомъ*, т. е. о *походѣ* (мы еще будемъ говорить о немъ), описывается походъ князя Игоря, на Половцевъ, кочевавшихъ, какъ теперь кочуютъ Калмыки, въ степяхъ придонскихъ. Въ этомъ-то сочиненіи говорится о

княжескихъ ссорахъ: «въ этихъ ссорахъ коротался вѣкъ людской, тогда рѣдко въ полѣ можно было слышать голосъ пахаря, а чаще кричали вѣроны, дѣля добычу, да разговаривали между собою галки, спѣша на пиръ». Еще хуже княжескихъ ссоръ были нападенія Половцевъ, которыхъ часто нанимали князья другъ противъ друга, а иногда и сами дикари нападали, видя что князьямъ некогда отъ нихъ обороняться. Половцы, нападая на русскіе города, грабили и жгли ихъ; а жителей городовъ и селъ уводили въ полонъ. Вотъ какъ очевидецъ описываетъ половецкое нашествіе: «однихъ ведутъ въ полонъ, другихъ убиваютъ, иныхъ мучатъ, иные трепещутъ, видя смерть ближнихъ, другихъ морятъ голодомъ и жаждою. Города и села опустѣли; пойдѣмъ въ поле: гдѣ прежде паслись кони, волы и овцы, тамъ теперь все выжжено; поля заросли травой, на нихъ поселились дикіе звѣри. Много христіанъ страдало въ плѣну: ведутъ ихъ, печальныхъ, мучатъ, зимою морзятъ; отъ голода, жажды и печали похудѣли ихъ лица, почернѣло тѣло; идутъ они по чужой землѣ, наги и босы, тернъ колетъ имъ ноги; со слезами говорятъ другъ съ другомъ: «я изъ такого-то города», говоритъ одинъ; «я изъ такого-то села», отвѣчаетъ другой».

Въ такое смутное и тяжелое время люди приучались думать только объ себѣ самихъ и ни за что считать вредъ, который дѣлается ближнему: христіанство тогда почти только что было введено и мало удерживало отъ злыхъ дѣлъ. Мономахъ оставилъ своимъ дѣтямъ завѣщаніе, какъ имъ жить. Изъ

того, что онъ не велить имъ дѣлать, лучше всего видно, что тогда дѣлалось.

«Больше всего—говорить онъ— не забывайте бѣдныхъ, но кормите сколько можете по силѣ; подайте сиротѣ, сами судите вдовицу и не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Не убивайте ни праваго, ни неправаго и не давайте убивать: если кто и будетъ достоинъ смерти, не погубляйте человѣка. Когда говорите что нибудь, хорошее или худое, не клянитесь именемъ Божиимъ, не креститесь: въ томъ нѣтъ никакой нужды. Если вамъ будетъ нужно въ чемъ-нибудь присягнуть братъ или кому-нибудь другому, то подумайте прежде, можете ли исполнить, тогда присягайте, а присягнувши сохраняйте присягу, чтобы не погубить своей души». Надо сказать, что въ то время клятвою дорожили очень мало.

«Не имѣйте ни въ сердцѣ, ни въ умѣ гордости, — продолжаетъ Мономахъ — а говорите: мы смертны; сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что ты намъ далъ — твое, а не наше. Поручилъ намъ на мало дней. Не зарывайте въ землю: это великій грѣхъ. Старыхъ почитайте какъ отца, молодыхъ какъ братьевъ. Въ дому своемъ не лѣнитесь, не полагайтесь на *туна* (такъ назывался довѣренный человѣкъ князя, которому онъ иногда поручалъ и судъ), ни на раба, чтобы не посмѣялись приходящіе ни дому вашему, ни обѣду вашему. Отправляясь на войну, не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводу, не предавайтесь питью, ни ѣдѣ, ни сну. Сами разставляйте сторожей и когда все устроите, ложитесь спать. Вставайте рано. Не снимайте съ себя оружія, не огля-

дѣвшия: отъ лѣности часто вдругъ погибаетъ человекъ. Берегитесь лжи, пьянства и блуда: въ томъ душа погибаетъ и тѣло. Когда идете черезъ свои земли, не позволяйте окружающимъ васъ дѣлать зло ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селлахъ, ни въ поляхъ, чтобы васъ не проклинали. Куда же ни пойдете, гдѣ ни остановитесь, напоите и накормите нищаго; а болѣе всего почитайте гостя, кто бы онъ ни былъ: простой человекъ, или знатный, или посолъ; не можете подарить чѣмъ-нибудь, то напоите и накормите: ходя по разнымъ землямъ, они прославляютъ человека добрымъ или злымъ. Посѣщайте больныхъ, ходите на погребеніе мертвыхъ: всѣ мы смертны; не обходите никого своимъ привѣтомъ, каждому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти. Наконецъ, выше всего ставьте страхъ Божій. Если что позабудете, то перечитывайте чаще: и мнѣ будетъ не стыдно, и вамъ хорошо. Что знаете хорошаго, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь; такъ отецъ мой, сидя дома, выучился пяти языкамъ. За это уважаютъ въ чужихъ земляхъ. Лѣность всему мать: что знаетъ, то забываетъ, чего не знаетъ, тому не учится; не лѣнитесь ни на что доброе. Прежде всего ходите въ церковь: пусть солнце не застаётъ васъ въ постели. Такъ дѣлалъ отецъ мой блаженный и другіе мужи совершенные. Воздавъ утреннюю хвалу Богу, слѣдуетъ, когда взойдетъ солнце, взглянувъ на него, прославить Бога съ радостию и сказать: *просвѣти очи мои, Христе Боже, и дай ми свѣтъ свой красный; и еще, Господи, приложи ми мѣто къ мѣту, да прокъ*

грѣховъ своихъ покайся, оправдимъ животъ, тако похвалю Бога». Потомъ сѣсть совѣтоваться съ дружиною, или судить людей, или ѣхать на охоту.»

Такъ наставлялъ дѣтей своихъ добрый князь; такъ и самъ поступалъ онъ; а потому когда онъ умеръ, оплакивая, называли его: «братолубецъ, христіолубецъ и добрый страдалецъ за Русскую Землю». Много лѣтъ спустя послѣ его смерти, одинъ изъ его внуковъ, *Изяславъ Мстиславичъ* звалъ кіевлянъ на дядю своего *Юрья*: «не подыдемъ руки на племя *Володимирово*» — отвѣчали кіевляне. Такъ долго жила въ народѣ добрая память о *Владимірѣ*.

Пока великими князьями были дядя его *Изяславъ Ярославичъ* (два раза свергаемый, но не надолго) и отецъ, *Всеволодъ*, *Володиміръ* покорно исполнялъ волю старшихъ, какъ и слѣдовало по тогдашнимъ обычаямъ; другіе не всегда слѣдовали этому обычаю; но *Мономахъ* никогда не отступалъ отъ него. Въ то время много было ссоръ между старшими князьями (*Изяславомъ* и *Всеволодомъ*) и племянниками ихъ, сыновьями прежде умершихъ братьевъ, которымъ дяди не хотѣли дать земель. *Мономахъ*, разумѣется, стоялъ за отца. Между младшими самымъ смѣлымъ былъ *Олегъ Святославичъ*. Его отецъ, *Святославъ*, когда-то изгналъ брата *Изяслава* изъ *Кіева*. Когда онъ умеръ, *Изяславъ* снова вернулся и изгналъ дѣтей его изъ отцовскаго города *Чернигова* и отдалъ этотъ городъ *Мономаху*. По нашему, онъ былъ не правъ: развѣ дѣти виноваты въ томъ, что сдѣлали отцы? Но тогда думали иначе и даже если въ чьей-нибудь семьѣ случалось убійство, то родственники

убитаго мстили убійцѣ и всей его семьѣ; потомъ начали мстить только убійцѣ, а при Изяславѣ положено было окупаться деньгами; но все-таки долго еще съ виновнымъ отцемъ ссылали и невинныхъ дѣтей. Вотъ почему Мономахъ занялъ Черниговъ. Олегъ, — котораго звали *Гориславичемъ* за то, должно-быть, что много горя сдѣлалъ онъ Русской Землѣ тѣмъ, что всегда приводилъ съ собою Половцевъ, — пришелъ съ Половцами и на этотъ разъ и выгналъ Мономаха. Дядя выступилъ противъ Олега, Изяславъ былъ убитъ въ сраженіи, но все-таки Мономахъ опять сѣлъ въ Черниговъ. Олега захватили въ полонъ Половцы и потому онъ долго не беспокоилъ Всеволода, занявшаго, по тогдашнему обычаю, мѣсто брата своего въ Кіевѣ: тогда не сынъ наследовалъ отцу, а братъ брату, и только по смерти послѣдняго изъ братьевъ, великимъ княземъ дѣлался сынъ старшаго.

Всеволодъ нѣкоторымъ изъ племянниковъ далъ города; а другихъ, въ томъ числѣ и Олега, оставилъ безземельнымъ. Много было дѣла Мономаху при отцѣ: то онъ отражалъ Половцевъ, то наказывалъ непокорныхъ князей. Всеволодъ былъ уже очень старъ, такъ что нетолько не ходилъ самъ въ походы, но и не занимался судомъ и расправою. Такъ-какъ до князя уже ничего не доходило по болѣзни его, то, пользуясь безнаказанностью, тиуны и судьи не мало притѣсняли народъ. Наконецъ (въ 1093 г.), Всеволодъ сильно разболѣлся и послалъ за сыновьями: Володиміромъ, который былъ тогда въ Черниговѣ, и Ростиславомъ въ *Переяславѣ* (Полтавской губерніи). Пришли сыновья и старіеъ умеръ на ихъ рукахъ.

Похоронивъ отца съ честію, Володиміръ сказалъ себѣ: «если сяду на мѣсто отца своего, то придется воевать съ Святополкомъ (сыномъ Изяслава), потому-что прежде престолъ былъ отца его». Подумавши такъ, послалъ Володиміръ за Святополкомъ, и встрѣтили его кіевляне съ радостью. Святополкъ былъ человѣкъ не хорошій; больше всего любилъ деньги: когда онъ узналъ, что печерскіе монахи продаютъ народу по дешевой цѣнѣ соль, — а соль тогда была дорога, потому-что не пустили соли, которую тогда больше привозили изъ Галича, — Святополкъ взялъ эту соль себѣ и началъ продавать ее самъ по дорогой цѣнѣ. Изъ корысти позволялъ онъ Евреямъ грабить народъ. Къ тому же онъ былъ трусливъ и всякій могъ его напугать, и тогда онъ рѣшался на самое злое дѣло: примѣръ этого мы увидимъ, когда будемъ рассказывать объ ослѣпленіи Василька, князя галицкаго. Все-таки онъ былъ старшій, и Мономахъ, какъ старшему, уступилъ ему; но такъ-какъ онъ былъ и умнѣе, и добрѣе, и храбрѣе, то нерѣдко заставлялъ Святополка слушаться себя.

Услыхавъ о смерти Всеволода, Половцы прислали къ Святополку пословъ для переговоровъ о мирѣ. Святополкъ, не посовѣтовавшись съ дружиною отца своего и дяди, посовѣтовался только съ тѣми, которые пришли съ нимъ, и посадилъ пословъ половецкихъ въ тюрьму. Послѣ того Половцы пошли войною и обступили одинъ городокъ близъ Кіева. Тогда Святополкъ хотѣлъ-было помириться, но Половцы отказались. Сталъ Святополкъ собирать войска и сказали ему люди смышленные: «не покушайся идти

противъ: у тебя еще слишкомъ мало воиновъ»; Святополкъ отвѣчалъ: «у меня восемьсотъ человекъ, съ ними могу идти». Начали говорить несмышленные: «иди, князь!» а смышленные: «если бы ты собралъ три тысячи человекъ, и то было бы не дурно; но земля наша оскудѣла отъ войны и поборовъ; пошли за помощью къ брату своему Володиміру». Пришелъ Володиміръ съ братомъ своимъ Ростиславомъ. Между Святополкомъ и Володиміромъ началась ссора: Володиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ войны. Помирили ихъ и пошли они къ рѣкѣ Стугнѣ. Володиміръ опять предлагалъ помириться; но кіевляне сказали: «хотимъ биться: перейдемъ черезъ рѣку». Въ сраженіи русскіе князья были разбиты и Ростиславъ, братъ Володиміровъ, утонулъ въ рѣкѣ. Сильно ограбили тогда Половцы Русскую Землю. На другой годъ Святополкъ, чтобы помириться съ Половцами, женился на дочери половецкаго хана.

Половцы, впрочемъ, опять появились съ Олегомъ, которому Мономахъ рѣшился уступить Черниговъ, чтобы только не поддерживать больше ссоры.

Прошло два года; не было ладу между князьями, и Половцы не нападали на Русскую Землю. Святополкъ и Володиміръ послали сказать Олегу: «приходи въ Кіевъ, уладимся между собою передъ епископами, игуменами, мужами отцевъ нашихъ и горожанами, чтобы можно было оборонить Русскую Землю отъ поганыхъ». Возгордился Олегъ и отвѣтилъ: «не слѣдуетъ судить меня ни епископу, ни игуменамъ, ни смердамъ (простые люди)». Братья послали сказать ему: «не идешь ты съ нами на поганыхъ, не

хочешь и совѣтоваться съ нами; стало-быть, ты задумалъ что-нибудь противъ насъ, хочешь помогать поганымъ. Пусть Богъ разсудитъ насъ», и пошли къ Чернигову. Олегъ убѣждалъ въ *Стародубѣ* (Черниговской губерніи); тридцать-три дня князья осаждали этотъ городъ и стали изнемогать сидѣвшіе въ городѣ. Олегъ пошелъ на миръ и общалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Давидомъ* (владѣвшимъ тогда въ Смоленскѣ), придти въ Кіевъ и тамъ уладиться со всѣми князьями. Но вмѣсто того пошелъ къ Мурому. Муромомъ, городомъ тогда черниговскимъ, завладѣлъ одинъ изъ сыновей Мономаха, *Изяславъ*. Олегъ послалъ сказать *Изяславу*: «иди въ Ростовъ — волость отца своего, а здѣсь волость моего отца. Я хочу отсюда переговаривать съ твоимъ отцемъ: онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города Чернигова; а ты и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего хлѣба». *Изяславъ* не захотѣлъ уступить и былъ убитъ въ сраженіи; послѣ того пошелъ Олегъ на Суздаль и Ростовъ. Тогда *Мстиславъ*, старшій сынъ Мономаха, княжившій въ Новгородѣ, послалъ сказать Олегу: «иди изъ Суздаля въ Муромъ, а въ чужомъ городѣ не сиди. Тогда я пошлю къ отцу своему и помирю тебя съ нимъ. Хотя ты убилъ моего брата — что же дѣлать! на войнѣ погибаютъ и князья, и цари». Олегъ не уступилъ; *Мстиславъ* пошелъ противъ него. Олегъ, зажегши Суздаль, пошелъ къ Мурому; *Мстиславъ* опять предложилъ ему миръ: «я моложе тебя — писалъ *Мстиславъ* — переѣхали съ отцемъ моимъ и вороти людей моихъ, которыхъ плѣнилъ (въ Ростовѣ и Суздаль), и я во всемъ буду тебя слушать». Олегъ

хотѣлъ обмануть Мстислава и послалъ сказать, что сдѣлаетъ такъ, какъ онъ желаетъ, а между-тѣмъ вышелъ противъ него. Олегъ былъ разбитъ. Тогда Мстиславъ опять предложилъ ему миръ и самъ Мономахъ написалъ къ нему письмо.

«Пишу къ тебѣ — сказано въ этомъ письмѣ — потому-что упросилъ меня мой сынъ, а твой крестникъ. Онъ прислалъ ко мнѣ грамоту и пишетъ: «уладимся и помиримся; брату Богъ судилъ погибнуть, и мы не будемъ за него мстить; пусть Богъ разсудить, а мы не погубимъ Русской Земли». Увидавъ смиреніе сына своего, я умилился, и, боясь Бога, сказалъ: «онъ несмотря на молодость свою и неразуміе такъ смиряется и все возлагаетъ на Бога, а я что дѣлаю? я — самый грѣшный человѣкъ». Послушавши сына, пишу къ тебѣ эту грамоту: добромъ или зломъ ты ее примешь, увижу по твоему письму. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ, то и сдѣлаетъ во мгновеніе ока, а онъ претерпѣлъ хуленіе, оплеваніе, удареніе и на смерть отдался, владѣя и жизнью и смертію; а мы что, грѣшные люди? сегодня — живы, а завтра — мертвы; сегодня — во славѣ и чести, а завтра — въ гробу и безъ памяти. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ, что они взяли съ собой? только то, что сдѣлали для своей души.... Прислать бы тебѣ ко мнѣ сноху, потому-что отъ нее нѣтъ тебѣ ни зла, ни добра; а я бы обнялъ ее и поплакали бы вмѣстѣ объ ея мужѣ: не удалось мнѣ видѣть ея свадьбы по грѣхамъ моимъ; сядетъ она у меня въ слезахъ, какъ горлица на суку, а я утѣшусь въ Богѣ».

Должно-быть, письмо умирило Олега, потому что въ слѣдующемъ (1097) году онъ, вмѣстѣ съ другими князьями, пріѣхалъ на съѣздъ въ *Любечь* (Черниговской губерніи). Поговорили между собою князья: «зачѣмъ мы губимъ Русскую Землю, ссорясь между собою? Половцы разоряютъ нашу землю и рады нашимъ спорамъ. Соединимся же». Тутъ и рѣшили, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ. Присягнувши вѣрно сохранять условіе, князья разѣхались. Недолго, однако, было между ними мирно; совершилось кровавое дѣло. Вмѣстѣ съ Святополкомъ пріѣхалъ въ Кіевъ волынской князь *Давыдъ Игоревичъ*, двоюродный братъ его, и сталъ, по совѣту злыхъ людей, клеветать на Володимира Мономаха и *Василько Ростиславича* (ихъ двоюроднаго племянника, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Володаремъ*, владѣлъ областью Галицкой: — теперь эта область называется Галиціею и принадлежит австрійскому императору). Святополкъ смутился, не зналъ, правду ли говоритъ Давыдъ, или неправду, и сказалъ ему: «если правду говоришь ты, то Богъ будетъ за тебя, а если говоришь отъ зависти, то Богъ будетъ за нихъ». Потомъ подумалъ Святополкъ: «А что если это правда?» и Давыдъ нашептывалъ ему: «если не захватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ на Волыни». И послушался его Святополкъ. 4-го ноября заѣхалъ Василько, по дорогѣ изъ Любеча къ себѣ въ Галицкую Землю, помолиться въ *Михайловскій-Выдубецкій* монастырь (близъ Кіева) и тамъ остался ночевать. Наутро пришелъ къ нему Свято-